

ЛЮБИМЫЙ АРТИСТ РУССКОГО НАРОДА

Т. Щепкина-Куперник,

заслуженный деятель искусств

Не было человека в стране, который не пережил бы минуты острого горя при известии о кончине Ивана Михайловича Москвина — одного из старейших деятелей МХАТ и любимейшего артиста России. Русская сцена и любившие его люди, — а таких было много, согретых излучавшимся от него теплом, — стали много беднее с уходом И. М. Москвина.

Москвин родился в бедной, трудовой семье и с детства, по его собственным словам, «отравился театром». В то время — время глухой реакции — сцена, особенно сцена Малого театра, была отдушиной для настроения московской молодёжи, слышавшей слова справедливости и свободы только с кафедры университета да с подмостков сцены, а Малый театр, как выражались, был для Москвы «вторым университетом».

Скромный юноша, почти мальчик, решил держать экзамен в школу при Малом театре, которому он поклонялся. Но, как это часто бывает, Москвина «проглядели». В нём не нашли никаких способностей и не приняли его.

Но тяга к искусству была велика, велика была и решимость добиться своего. Ему удалось поступить в драматическое училище при Филармонии, которым руководил известный режиссёр и педагог В. И. Немирович-Данченко.

Обычное чутьё на этот раз изменило Немировичу: он тоже не нашёл способностей в Москвине и по окончании полугода предложил ему оставить школу и заняться чем-нибудь другим, бросив мечты об артистической карьере. Увидав побелевшее лицо юноши, Владимир Иванович смягчился и оставил его в училище.

А через четыре года Москвин, на открытии МХАТ, сыграл роль царя Фёдора Иоанновича в одноимённой пьесе А. Толстого. Я была на этом спектакле и хорошо помню впечатление, которое произвёл Москвин. Юный, скромный, не обладавший тем, что принято называть «артистической внешностью», не отличавшийся ни поэтичностью, ни религиозным смирением, — этот простой русский паренёк вдруг дал такой образ Фёдора, что Москва была им захвачена. Около нового театра было тогда много споров и волнений, но и друзья и враги сходились в одном мнении, что лучшего Фёдора нельзя было и представить себе. Всем теперь известна история начала МХАТ с его труппой, состоявшей из неискушённой молодёжи, вдохновляемой горением Станиславского и впоследствии давшей нам таких актёров, как Качалов, Книппер, Лилина и другие. В книге Станиславского «Моя жизнь в искусстве» есть запись: «Сегодня показывали Москвина в роли Фёдора. Я плакала от его игры и от радости, и от надежды, что среди нас находятся талантливые люди, могущие вырасти в больших актёров». Станиславский не обманулся: Москвин стал большим актёром.

В роли Фёдора Москвин сумел дать именно тот кристально чистый образ, который рисовался автору: детски наивного человека

с трогательным желанием устроить так, «чтобы всем было хорошо», с его нежным доверием к Ирине, сквозь которые иногда, как отдалённые зарницы, вспыхивали отблески характера его грозного отца, — и с его трагической концовкой:

«О, господи! За что меня поставил ты царём?» — когда он как

его, Москвина, в роли конторщика Епиходова в пьесе «Вишнёвый сад» Чехова? Трагикомические «двадцать два несчастья» воплощены были Москвиным в совершенстве.

А контрастная с этой ролью роль Фомы Опискина в «Селе Степанчикове» Достоевского? Этот русский Тартюф, с его колючим,

Лауреат Сталинской премии народный артист СССР Иван Михайлович Москвин.

Фото М. Сахарова

бы сгибался и терял силы под тяжестью той «шапки Мономаха», которой не выдержал и сильный Борис Годунов.

После Фёдора Москвин, как говорится, «проснулся знаменитостью». Вскоре после этого он сыграл странника Луку в пьесе Горького «На дне» и уже там показал разнообразие и широкий диапазон своего дарования. Юный Москвин так перевоплотился в умудрённого по-своему, многоопытного старика, с его безнадёжным обнадёживанием и безрадостной радостью: оригинально задуманный образ нашёл оригинального исполнителя, глубоко проникшего в совершенно чуждую ему психологию.

А кто может забыть, если видел

как буравчик, «серым глазом», с его лицемерием, самовлюблённостью и самодовольством — одно из лучших достижений Москвина. На палитре Москвина были разнообразные, сочные и яркие краски, как на палитрах русских самородков Сурикова или Репина, и с годами эти краски не блекли и не бледнели.

В каждой новой роли был новый Москвин — старого в нём было только его удивительное актёрское обаяние, благодаря которому он завоевывал зрителя, ещё не произнося ни одного слова. Это очень таинственная вещь — актёрское обаяние, — и далеко не все, даже талантливые артисты, обладают им, определить его нельзя, но оно невольно чув-

ствуется и делает артиста другом зрителя.

Обаяние было у Москвина и в жизни — у него были все чисто русские свойства, у этого русского человека: мягкий, добродушный, а в гневе — горячий; с ленцой, а возьмётся работать, так работает за троих. Любил повеселиться, но если даже просидит ночь, слушая цыганское пение, от которого душа исходит в слезах, — наутро подставит голову под струю холодной воды и придёт на репетицию первым, с выученной наизусть ролью.

Как сейчас, помню милого, весёлого «Ваню Москвина» — всегда с остроумным словечком, с добродушной шуткой, заражавшего своим весельем всю нашу молодую компанию. Это не мешало ему и серьёзно работать и быстро выдвигаться в первые ряды русских актёров.

С годами утихали порывы буйного веселья, но доброта и простота его оставались неизменны. В нём совершенно не было никакого «заснайства», — большая скромность и признание чужого таланта.

И. М. Москвин с первых дней своей карьеры стал любимцем Москвы и всей страны, но особенно ярко любовь народа проявилась к великому артисту в годы советской власти. Он получил высокое звание народного артиста СССР, был удостоен двух орденов: ордена Ленина и ордена Трудового красного знамени — и стал сталинским лауреатом.

В дореволюционную эпоху жизнь артистов ограничивалась лишь интересами своего искусства. За редкими исключениями, артисты далеко стояли от дел страны. И как бы их ни засыпали цветами, как бы ими ни восхищалась толпа, — дальше этого не шло.

Революция резко изменила положение, и И. М. Москвин, русский человек и артист, стал в полной мере гражданином. Он всё больше и больше вовлекался в строительство нового мира, пока не принял в нём заметного, важного участия. Он был избран делегатом на Чрезвычайный VIII съезд Советов, утверждавший Сталинскую Конституцию, состоял в комиссии по выработке текста её и, наконец, в 1937 году был избран депутатом в Верховный Совет СССР.

Лишнее говорить, что этим всем он обязан двум свойствам: своему честному, горячему отношению к делу и своей любви к Родине. Все последние годы болезни уже подтачивала его, а он работал, не щадя сил. Любимому театру, которому он буквально отдал всю жизнь — с первого дня театра и до последнего своего дня, — он посвящал много времени: он был председателем актёрского цеха, директором театра, учил молодёжь и ещё находил время для руководства кружками самодеятельности рабочих. С особенной чуткостью относился он к молодым дарованиям из среды рабочих, памятуя, как 15-летний «Ваня Москвин», работавший на литейном заводе, бредил театром... Да, замечательный путь прошёл Москвин: от полуголодного детства, с 14-часовым рабочим днём, в то время установленным и для подростков, с ночёвками на мешках в складе инструментов и до великого артиста и государственного деятеля.

Большой, благородно пройденный путь...